

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

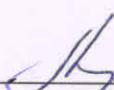
На тему: Семантический потенциал лексики, отражающей рельефно-ландшафтные особенности страны (на примере России и Туркменистана)

Исполнитель _____ Сабиров Дилмурад _____
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат педагогических наук _____
(ученая степень, ученое звание)
_____ Ротмистрова Ольга Валерьевна _____
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующая кафедрой

_____ _____
(подпись)

_____ кандидат педагогических наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)
_____ Кипнес Людмила Владимировна _____
(фамилия, имя, отчество)

«3» мая 2021 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2021

Содержание

Введение	3
Глава I. Изучение рельефно-ландшафтных объектов с позиций лингвистических исследований.....	6
1.1. Понятие «семантический потенциал» в контексте изучения лексики.....	6
1.2. Рельефно-ландшафтные объекты как предмет лингвистических исследований.....	8
Выводы по главе I.....	21
Глава II. Семантическая репрезентация рельефно-ландшафтных объектов России и Туркменистана.....	23
2.1. Особенности семантической репрезентации объектов рельефно-ландшафтного пространства России.....	23
2.2. Особенности семантической репрезентации объектов рельефно-ландшафтного пространства Туркменистана.....	39
2.3. Соотношение семантических элементов, объективирующих представления о рельефно-ландшафтном пространстве в русской и туркменской картинах мира.....	41
Выводы по главе II.....	49
Заключение.....	51
Список литературы.....	53

Введение

Выпускная квалификационная работа посвящена исследованию семантического потенциала лексики, отражающей рельефно-ландшафтные особенности России и Туркменистана.

Актуальность работы обусловлена значимостью семантики природно-географических реалий в языковых картинах мира: данные реалии отражают особенности восприятия категории пространства, выраженного в разных лингвокультурах.

Объект исследования – природно-географические особенности в структуре языка.

Предмет исследования – семантический потенциал наименований рельефа и ландшафта в русской и туркменской языковых картинах мира.

Цель исследования – исследовать семантический потенциал лексики, называющей рельефно-ландшафтные объекты, характерные для русской и туркменской языковых картин мира.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

– изучить понятие «семантический потенциал» в контексте исследования лексики;

– рассмотреть природно-географические пространственные объекты с точки зрения их актуальности в контексте лингвистических исследований;

– выявить и проанализировать особенности семантической репрезентации объектов рельефно-ландшафтного пространства России;

– выявить и проанализировать особенности семантической репрезентации объектов рельефно-ландшафтного пространства Туркменистана;

– соотнести семантические элементы, объективирующие представления о рельефно-ландшафтном пространстве в русской и туркменской картинах мира.

Материалом исследования послужили энциклопедические источники, семантические и идеографические словари, толковые словари, материалы Национального корпуса русского языка.

Новизна работы состоит в исследовании и сопоставлении компонентов рельефно-ландшафтных особенностей России и Туркменистана с точки зрения их семантического потенциала.

В работе использовались следующие **методы** исследования: описательно-аналитический метод, метод семантико-когнитивного анализа, лингвокультурологический анализ, сопоставительный анализ.

Теоретическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования для изучения феноменов географической культуры в аспекте лингвистики.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования на занятиях по дисциплинам лингвистической направленности.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении обосновывается актуальность, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования.

В первой глав рассматриваются понятие «семантический потенциал» в контексте исследования лексики; анализируются природно-географические пространственные объекты с точки зрения их актуальности в контексте лингвистических исследований.

Во второй главе проводится семантический анализ языковых единиц, объективирующих представления о рельефно-ландшафтных особенностях России, анализируются особенности семантической репрезентации объектов рельефно-ландшафтного пространства России и Туркменистана, проводится сопоставительный анализ с целью соотношения семантических элементов, объективирующие представления о рельефно-ландшафтном пространстве в русской и туркменской картинах мира.

В заключении приводятся выводы, сделанные в рамках исследования.

Глава I. Изучение рельефно-ландшафтных объектов с позиций лингвистических исследований

1.1. Понятие «семантический потенциал» в контексте изучения лексики

Семантический потенциал в описании лексики играет существенную роль, поскольку позволяет выявить, помимо основных значений языковых единиц, дополнительные, скрытые смыслы исследуемых феноменов. Значимости выявления семантического потенциала языковых единиц посвящены работы таких исследователей, как В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, О. Е. Виноградова, Д. Шмелёв и др. Так, материал диссертации О. Е. Виноградовой «Интегральная методика углубленного описания значения слова» [11] посвящён методам глубокого описания семантики слова в единстве ядерных и периферийных компонентов, а также методам описания семантики языковых единиц как феномена языкового сознания. Особое внимание автор акцентирует на важности сопоставления эффективности использования наиболее широко применяемых в антропометрической лингвистике методов и демонстрирует это на материале семантического описания слов разных частей речи. Материал данной работы расширяет представления о подходах к описанию семантического потенциала лексики.

Монография «Языковая картина мира и системная лексикография» (В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян и др.) является теоретическим обобщением лексикографических исследований, проведенных авторами в ходе разработки «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка». В первой части авторами излагаются основные принципы и понятия системной лексикографии: установка на реконструкцию языковой картины мира, принцип интегральности, понятие лексемы и ее интегрального лексикографического представления, понятие лексикографического типа. В остальных главах монографии реконструируются определенные фрагменты

языковой картины мира и описываются обслуживающие их лексикографические типы. В рамках нашего исследования ценность представляет глава «Основные принципы и понятия системной лексикографии». Материал данной главы отражает аспекты исследования именно семантического потенциала лексики, что входит в сферу наших научных интересов.

Многочисленные работы О. В. Ротмистровой посвящены исследованию лексической репрезентации представлений о рельефно-ландшафтных особенностях страны в русской языковой картине мира [Ротмистрова, 2011-Воронеж]. В исследованиях данного автора описывается семантический потенциал лексики, называющей рельефно-ландшафтные объекты и участвующей в формировании рельефно-ландшафтного образа страны в русской языковой картине мира. Предмет исследования в работах О. В. Ротмистровой коррелирует темой нашего исследования, в связи с чем труды данного автора составили авторитетную методологическую базу нашего исследования.

Важно подчеркнуть, что семантический потенциал языковых единиц отражён и в лексикографических источниках. Фундаментальным источником в этом плане является «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» под редакцией Н. Ю. В частности, первый том данного словаря содержит описание классов именуемых слов (существительных), которые называют все живое (людей, животных, растительные организмы) и естественные природные реалии. В этот том словаря включены сведения о семантике рельефно-ландшафтных наименований русской языковой картины мира.

1.2. Рельефно-ландшафтные объекты как предмет лингвистических исследований

Природно-географические пространственные объекты – это огромный корпус наименований, формирующих лингвистический ландшафт, в рамках которого актуализируются его языковые особенности. Прежде всего отметим, что в структуру данного ландшафта относятся как собственно наименования объектов (рельефно-ландшафтные наименования: поля, равнины, горы, степи, реки, моря и др.), так и их названия. Всё это вместе «формирует своеобразную топонимическую картину мира, в которой запечатлены – вербально, визуально и на ментальном уровне – рельефно-ландшафтные образы» [Ротмистрова]. «Семантика репрезентантов природно-географических реалий, к которым относятся и рельефно-ландшафтные объекты, отражает особенности восприятия категории пространства, выраженного в языковой картине мира» [Ротмистрова]. Это обуславливает актуальность рельефно-ландшафтных объектов в контексте лингвистических исследований.

Понятия рельефа и ландшафта взаимосвязаны. По данным различных словарей, они находятся в одних случаях в линейной, в других – в видо-родовой зависимости. Ср.:

- *рельеф* – «совокупность различных неровностей на земной поверхности — поднятий и понижений суши, дна океанов и морей» (МАС);
- *ландшафт* – «общий вид местности; пейзаж», а также «часть земной поверхности, для которой характерно определенное сочетание рельефа, климата, почв, растительного и животного мира и т. п.» (МАС), т. е. «природный географический комплекс» (словарь Т.Ф.Ефремовой).

Ввиду близости данных понятий исследователи считают возможным «говорить о рельефно-ландшафтных особенностях объекта» [Ротмистрова].

Изучению рельефно-ландшафтных особенностей объектов с точки зрения семантического потенциала их лексических репрезентантов посвящены работы О. В. Ротмистровой, Г. М. Васильевой, О. Лавреновой и др. так, О. В. Ротмистрова и Г. М. Васильева рассматривают эти особенности в структуре культурно-географического образа страны в монографии «Культурно-географический образ России в лингвокультурологическом аспекте».

Многочисленные работы О. В. Ротмистровой посвящены исследованию лексической репрезентации представлений о рельефно-ландшафтных особенностях страны в русской языковой картине мира [Ротмистрова, 2011-Воронеж]. В исследованиях данного автора описывается семантический потенциал лексики, называющей рельефно-ландшафтные объекты и участвующей в формировании рельефно-ландшафтного образа страны в русской языковой картине мира. Предмет исследования в работах О. В. Ротмистровой коррелирует темой нашего исследования, в связи с чем труды данного автора составили авторитетную методологическую базу нашего исследования.

Важно подчеркнуть, что семантический потенциал языковых единиц отражён и в лексикографических источниках. Фундаментальным источником в этом плане является «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» под редакцией Н. Ю. В частности, первый том данного словаря содержит описание классов именующих слов (существительных), которые называют все живое (людей, животных, растительные организмы) и естественные природные реалии. В этот том словаря включены сведения о семантике рельефно-ландшафтных наименований русской языковой картины мира.

Рельефно-ландшафтные особенности географического объекта являются существенным фрагментом культурно-географических образов, в связи с чем рассмотрим факторы актуализации исследования культурно-географических образов в аспекте лингвистики.

Актуализация лингвистических аспектов культурно-географического образа связана, прежде всего, со структурой данного феномена, о чём говорилось в предыдущем параграфе. Для реконструкции культурно-географического образа используются самые разные источники (словари, тексты различного характера), в связи с чем в его вербализации участвуют различные языковые средства. Это и обуславливает интерес лингвистов к анализируемому феномену как предмету исследования.

Структура культурно-географического образа, как было отмечено ранее, многогранна: в нём сопряжены факты, транслирующие особенности культуры географического объекта (территории), и факторы географические. Язык является важным ретранслятором взаимосвязи этих составляющих. Причём в языке как в «зеркале, сокровищнице, кладовой, копилке культуры» «отражается не только реальный мир, окружающий человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение и видение мира». Лексика, грамматика, идиоматика, пословицы и поговорки, фольклор, художественная и научная литература, формы письменной и устной речи – то, в чём язык хранит культурные ценности» [25]. Неудивительно, что в аспекте гуманитарной географии есть термины, которые прямо указывают на лингвистическую составляющую культурно-географического образа территории. Так, в структуре культурно-географического образа существенное место занимают ландшафты. Существует даже термин лингволандшафтоведение, предложенный В. Н. Калуцковым в качестве одного из направлений изучения культурного ландшафта. В рамках данного направления оперирует преимущественно

топонимами и микропонимами [27]. А. А. Соколова указывает на недостатки, связанные с предметом исследования и топонимами и микропонимами как источниковой базой лингволандшафтоведения. По её мнению, топонимы и микропонимы «по степени информативности значительно уступают народным географическим терминам» [62]. Сама же А. А. Соколова, высказывая сомнения относительно точки зрения В. Н. Калуцкова, подчёркивает преимущества лексико-географического метода, который «был разработан специально для комплексного изучения географических объектов и их языковых образов, на региональном и локальном уровне в рамках системы «поселение – окрестность», близкой по своей пространственной структуре к этнокультурному ландшафту». По утверждению А. А. Соколовой, «именно классификация народной географической терминологии, содержащейся в региональных и локальных диалектных системах, в сочетании с пространственным и количественным анализом» позволила выдвинуть идею «полимасштабности (переменной масштабности) образов территорий, формирующихся у носителей диалекта (местного сообщества, если использовать понятия культурного ландшафтоведения)» [60; 61; 62].

Языковые особенности во взаимосвязи с культурно-географическим компонентом территории характерны и для лингвистической географии (или лингвогеографии) – одного из разделов языкознания, задачей которого является «изучение закономерностей территориального распространения языковых явлений (фонетических, морфологических, синтаксических, лексико-семантических) или отдельных конкретных языковых фактов» [Пшеничнова, с. 5].

Развитие лингвогеографии связано с созданием лингвистических атласов, фиксации диалектно-языковых фактов [5, с. 457]. Как справедливо замечает Т. И. Вендина, создание таких атласов и оперирование их данными существенно «изменили гносеологический облик лингвистики:

пространственный дискурс вместе с исследованием внутренней структуры и диахронии языковых единиц образует гносеологическое триединство лингвистики, исследующей язык в трех измерениях – структуры, пространства и времени» [5, с. 457]. Ещё в работах В. С. Жекулина подчёркивалась эффективность лингвогеографического анализа. Хотя данный анализ рассматривался в рамках историко-ландшафтных идей в исторических и географических науках, он чрезвычайно актуален для лингвистического знания, учитывая его междисциплинарный характер в настоящее время. В. С. Жекулин считал, что лингвогеографический анализ, заключающийся в изучении «топонимики и ландшафтной лексики», характерной для рассматриваемой территории, должен предшествовать исследованию конкретных этапов освоения ландшафтов, поскольку «географические названия, локализованные на ландшафтной основе, дают общее представление об исторических формах природопользования. В качестве источников языковой информации В. С. Жекулин предлагал использовать летописи, материалы Генерального межевания, исторические карты и другие материалы [61; 62]. Этот метод, разработанный В. С. Жекулиным, получил продолжение и развитие уже в области гуманитарной географии как «лексико-географический метод» [61; 62], о чём мы писали выше.

В аспекте лингвистических исследований культурно-географический образ актуален как предмет изучения и с позиции понятия «семантическое значение страны/региона». Данное понятие употребляется в гуманитарной географии. Специалисты данной области отмечают, что семантические значения стран и регионов «могут быть «расшифрованы» путём реконструкции контекста, в котором происходит обращение к соответствующему региону» [23].

Отдельно учёными выделяется понятие «ландшафтная лексика», которая, являясь одним из самых древних и поэтому наиболее устойчивых

лексических пластов (наряду с наименованиями флоры и фауны), может свидетельствовать о генезисе самих носителей языка. Народная географическая терминология является одним из обширных и интересных пластов лексической системы языка, заключающим в себе не только информацию о географических условиях проживания отдельно взятого этнического коллектива, но и о его связях (прежде всего языковых) с другими членами социума» [13; 21; 53; 62].

Обратимся ещё к одному термину – «лингвистический ландшафт». Синонимичны данному термину встречающиеся в разных работах понятия «языковой ландшафт», «городской текст», «лингвистическое градоведение», «лингвистический пейзаж», «лингвогеография» (о которой говорилось выше), «лингвистический ареал» и т. д. Термин «языковой ландшафт» используется в социолингвистике при описании многоязычия в разных регионах, обычно в мегаполисах.

В целом лингвистический/языковой ландшафт может рассматриваться как совокупность различных текстов и наименований, представленность языков в общественном пространстве, так и непосредственно как область изучения и исследования различных языковых единиц, выполняющих определенные функции и обладающих конкретными задачами в городской среде.

Так, например, Л. З. Подберезкина утверждает, что языковой ландшафт как объект лингвистических исследований является частью городской культуры, важнейшей из подсистем городской семиотики наряду с городской архитектурой, историей, бытом, городскими праздниками и т. д. С точки зрения автора, система городских наименований – часть эстетики города, которая отражает «языковой вкус эпохи» и социокультурное сознание жителей города [47].

Г. И. Купцова лингвистический ландшафт определяет как «один из способов описания повседневного существования языка, состоящий в исследовании письменных знаков в пространстве городской среды» [32; 33]. Лингвистическим ландшафтом считается также язык придорожных плакатов, рекламных щитов, табличек – названий улиц и площадей, вывесок на магазинах и общественных учреждениях, которые выполняют две основные функции: информативную и символическую.

Представляется, что наиболее точно отражена сущностная характеристика анализируемого понятия, с учётом научных аспектов изучения данного лингвистического явления, в определении Н. П. Пешковой. Так, под лингвистическим ландшафтом понимаются все формы существования языка в жизненном пространстве города или региона, а также методы изучения этой жизни языка, сосуществования и соотношения нескольких языков в общественном пространстве многоязычного города или целого региона [44; 45; 46;].

Языковые и речевые особенности элементов языкового ландшафта прямым образом влияют на восприятие и понимание информации потенциальным реципиентом. Н. П. Пешкова выделяет следующие задачи текста в лингвистическом ландшафте:

- 1) привлечение и удержание внимания адресата;
- 2) формирование установки на успешное восприятие;
- 3) обеспечение ориентации адресата в ситуации поликультурной среды как внеязыковой, так и языковой [46].

От успешного выполнения данных задач зависят восприятие и оценка городского текста аудиторией, то есть резидентами города, а как следствие, и привлечение внимания и воздействие на них.

Важнейшим условием воздействия является употребление определённой лексики (слова и словосочетания, различные средства выразительности языка). В основном тексты городского лингвистического ландшафта имеют воздействующее начало для привлечения внимания реципиентов, побуждения их к определённому действию, например, использование услуг, приобретение товаров и др. В данном случае большое предпочтение отдается эмоционально окрашенным языковым единицам, экспрессивной лексике, метафорам, фразеологизмам, жаргонизмам, заимствованиям, чаще всего англицизмам. Эти языковые средства могут быть полезны, если необходимо добиться речевого воздействия. Ввиду этого, несмотря на то, что основой для описания стереотипного географического образа страны являются тексты различного характера, в контексте лингвистических исследований важными считаются и данные лексикографических источников (словарей, отражающих образное восприятие какого-либо феномена, например, словарей эпитетов и образных сравнений, ассоциативных словарей), а также данные экспериментов, например, ассоциативных свободных и направленных, ведь «название географического объекта только тогда имеет для человека смысл, когда оно наполнено ассоциациями» [16]. Так, специалист Д. Н. Замятин приводит яркие примеры того, как названия географических объектов обретают культууроориентированные смыслы через ассоциации: «Олимп, Фудзияма, Гималаи – это не просто географические названия гор, но и бесчисленное множество распространенных среди миллионов людей культурных ассоциаций. Скромный поселок Ясная Поляна и довольно крупный по западноевропейским масштабам город Зальцбург сразу вызывают в памяти имена великих людей, жизнь которых была тесно связана с этими местами – Толстого и Моцарта. Места паломничества миллионов туристов по объективным параметрам (качества ландшафта, сохранность исторических памятников и др.) далеко не всегда самые привлекательные, но, безусловно, высоко символические. Пространство и его образы создаются культурой,

которая их осознает, живет ими и в них [16]. Так и названия, например, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России – это не просто названия, а значительные фрагменты культурно-географического образа России, символы страны, которые непременно вызывают определённые культурные ассоциации, заслуживающие внимания лингвистов.

Протасова Е.Ю. исследует особенности лингвистического ландшафта, под которым она понимает надписи в окружающей среде. Вывески и объявления на улицах и дорогах, согласно выводам исследователя, показывают, в частности, какие языки типичны для данной местности, какие шрифты в моде, с какими странами есть контакты [49; 50]. В лингвистическом ландшафте многонациональной России есть отсылки к прошлому, таблички на местных и иностранных языках. Автор делает акцент на компонентах лингвистического ландшафта, входящих в проблемное поле рекламного дискурса, в контексте которого и представлено наше описание культурно-географического образа Санкт-Петербурга.

Работы С. П. Ермакович посвящены когнитивной стороне рекламного текста. Исследователем описываются процессы переработки рекламной информации с точки зрения содержащегося в ней когнитивного компонента, и на примере конкретных рекламных обращений анализируется языковая опосредованность различных когнитивных процессов [11]. Основной акцент сделан на специфике языковых средств и их влиянии на интерпретацию рекламного сообщения. В контексте описания культурно-географических образов данный подход актуален, поскольку когнитивный аспект – существенный фактор в рекламе территорий, в рамках которой мы в последующих параграфах рассматриваем лингвистические особенности культурно-географического образа Санкт-Петербурга.

И. П. Решикова на обширном полевым материале рассматривает такой малоизученный актуальный аспект повседневности постсоветского российского города, как «наружная реклама территории» [51]. Данный

термин является авторским. Поставлена проблема адекватности содержания современной наружной рекламы как инструмента конструирования связи с местом содержанию конструируемой региональной идентичности. Культурный ландшафт мыслится в современном междисциплинарном ландшафтоведении как единая повседневная среда достаточно большой группы людей, которые освоили это пространство утилитарно, семантически и символически и тем самым придали ему текстуальную связность. В поле данного культурного ландшафта автор вводит понятие наружной рекламы территории как разновидность социальной рекламы, выделяя в ней тематические блоки – «Любовь к месту», «Гуманизация» городского пространства» и др. Данная работа входит в круг наших исследовательских интересов, поскольку прямо сопряжена с проблематикой актуализируемой темы.

Актуализируя культурно-географический образ как предмет лингвистических исследований, нельзя не обратиться к работам, в которых данный феномен рассматривается в аспекте географии, особенно учитывая тот факт, что в географических направлениях сегодня используются методы лингвистического анализа. Так, работа Д. Н. Замятина «Россия: воображение пространства / пространство воображения» посвящена аспектам географии с точки зрения образно-географического мышления – мышления, привязанного к территории. Помимо того, что это мышление отличается территориальностью, комплексностью и глобализмом, оно лежит в основе формирования географической культуры. Кроме того, глубокого понимания научной географической картины мира можно добиться именно через образное восприятие. Д. Н. Замятин акцентирует внимание на ментальной основе географии воображения – образной географии – и отмечает, что конкретное географическое пространство, со всеми его социокультурными, художественными, политико-экономическими коннотациями задаёт в основном параметры, условия репрезентации и интерпретации практически

всех возможных в данном месте и в данное время дискурсов, что обуславливает позиционирование понятия «географический образ» в рамках географии воображения» [16]. Данная работа содержательна. В контексте научных рассуждений автора раскрываются важные содержательные стороны понятия географического образа, в том числе и лингвистические аспекты, что коррелирует с проблематикой настоящего исследования.

О. А. Лавренова предлагает семиотическую концепцию культурного ландшафта. Автор отмечает, что данная концепция имеет несколько теоретических оснований в разных областях науки – семиотическая концепция культуры, концепции ноосферы, семиосферы и ноосферная концепция культурного ландшафта. Культурный ландшафт представляется автором как система матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах (запечатленных в том числе в художественных образах), непосредственно связанных с территорией и / или имеющих на территории свое материальное выражение. Согласно предложенной автором концепции, структура культурного ландшафта определяется тремя основными составляющими: 1) его физико-географическими константами, 2) аксиологической и семиотической структурой культуры – ее системой ценностей, 3) парадигматикой и неравномерностью семиотических процессов. Также отмечается, что в культурном ландшафте присутствуют универсальные для каждой культуры три языка или три формы опосредования: знаковая – метафорическая – символическая. Такой подход является ценным для исследований культурно-географических образов. На наш взгляд, предложенная автором семиотическая концепция расширяет лингвистическую основу структуры культурно-географического образа, являющегося ключевым, в частности, в нашей работе [37].

В проблемном поле лингвистических исследований феномен культурно-географического образа, соответственно, и рельефно-ландшафтного образа, актуализируется в работах О.В. Ротмистровой, которая

предложила включить его в область лингвокультурологии. По её мнению, «вербализация культурно-географического образа того или иного объекта представляет собой лингвистическую синергию его параметров», и «в рекламном дискурсе эта синергия очевидна» [56]. Реконструкции же культурно-географического образа России посвящено фундаментальное исследование (монография) О.В. Ротмистровой и Г.М. Васильевой «Культурно-географический образ России в лингвокультурологическом аспекте». В данной работе, включенной по своему содержанию в широкое проблемное поле «человек и пространство», на основе анализа обширного материала (текстов художественной и публицистической литературы, многочисленных лексикографических источников и экспериментальных данных) представлены основные устойчивые мотивы, формирующие в сознании носителей русского языка культурно-географический образ России. Эти мотивы, по утверждению авторов, обусловлены основными параметрами географического пространства страны (размером территории, особенностями рельефа и ландшафта и др.) [3].

В работе указанных авторов представлен интересный языковой и культурологический материал, актуальный в рамках настоящего исследования. Данная монография является наиболее значимым источником, в котором детально показана методика лингвистического описания такого феномена, как культурно-географический образ территории. За основу реконструкции культурно-географического образа Санкт-Петербурга мы взяли именно модель реконструкции культурно-географического образа России, предложенную авторами этой монографии.

Подводя итог, отметим небезосновательность актуализации рельефно-ландшафтного образа географических объектов как предмета лингвистических исследований: ввиду сложности своей структуры основой для описания культурно-географического образа являются: а) тексты различного характера; б) данные лексикографических источников, в том

числе словарей, отражающих образное восприятие географического объекта (словарей эпитетов, образных сравнений, ассоциативных словарей); в) данные экспериментов; г) лингвистические методы исследования. Всё это позволяет выявить сущность рельефно-ландшафтного образа с точки зрения его психолингвистической, социолингвистической, лингвокультурологической, когнитивной составляющих.

Таким образом, поскольку «семантика репрезентантов природно-географических реалий, к которым относятся и рельефно-ландшафтные объекты, отражает особенности восприятия категории пространства, выраженного в языковой картине мира» [Ротмистрова], рельефно-ландшафтные объекты актуализируются в качестве предмета лингвистических исследований.

Выводы по главе I

В первой главе было рассмотрены понятие «семантический потенциал лексики» и факторы актуализации рельефно-ландшафтных особенностей объекта как предмета лингвистических исследований.

В результате исследования мы сделали следующие выводы:

1. Исследования семантического потенциала в описании лексики играют существенную роль, поскольку позволяют выявить, помимо основных значений языковых единиц, дополнительные, скрытые смыслы исследуемых феноменов.
2. Природно-географические пространственные объекты – это огромный корпус наименований, формирующих лингвистический ландшафт, в рамках которого актуализируются его языковые особенности. В структуру данного ландшафта относятся как собственно наименования объектов (рельефно-ландшафтные наименования: поля, равнины, горы, степи, реки, моря и др.), так и их названия. Всё это вместе «формирует своеобразную топонимическую картину мира, в которой запечатлены – вербально, визуально и на ментальном уровне – рельефно-ландшафтные образы».
3. Поскольку «семантика репрезентантов природно-географических реалий, к которым относятся и рельефно-ландшафтные объекты, отражает особенности восприятия категории пространства, выраженного в языковой картине мира», рельефно-ландшафтные объекты актуализируются в качестве предмета лингвистических исследований.
4. Актуализация рельефно-ландшафтных объектов в качестве предмета лингвистических исследований небезосновательна: ввиду сложности своей структуры основой для описания семантического потенциала лексики, отражающей рельефно-ландшафтные

особенности страны, являются: а) тексты различного характера; б) данные лексикографических источников, в том числе словарей, отражающих образное восприятие географического объекта (словарей эпитетов, образных сравнений, ассоциативных словарей); в) данные экспериментов; г) лингвистические методы исследования. Всё это позволяет выявить сущность рельефно-ландшафтного образа с точки зрения его психолингвистической, социолингвистической, лингвокультурологической, когнитивной составляющих.

Глава II. Семантическая репрезентация рельефно-ландшафтных объектов России и Туркменистана

2.1. Особенности семантической репрезентации объектов рельефно-ландшафтного пространства России

Особенности ландшафта страны стали основным предметом исследования гуманитарной географии, где ландшафт рассматривается в рамках конструирования географических образов. В исследованиях этого направления проблемное поле «человек и пространство» относится к сфере «неисчерпаемых, вечных вопросов», причём подчёркивается возможность выделения в этом поле проблематики, лежащей «на пересечении исторического, культурологического и географического знания». Исследователи отмечают, что речь идет о взаимосвязи исторического человека с вмещающим ландшафтом, о связи социально-культурных форм с ландшафтно-климатическими условиями, в которых они формируются, о заданности некоторых значимых характеристик психического строя человеческой личности и, соответственно, национального характера, доминирующей ментальности природным окружением, в котором формируются этносы и культуры. Рельефно-ландшафтные объекты в таком ракурсе рассматриваются, прежде всего, не как естественно-географические сущности, а как культурно-ценностные реалии картины мира и, соответственно, языковой картины мира.

К основным объектам рельефа географы относят явления трех уровней: равнины, долины; впадины, рвы, котловины; горы, утёсы и мн. др. [см.: «Словарь по физической географии» 1994, «Россия. Энциклопедический словарь»]. В лингвистических словарях и методических исследованиях предприняты попытки описать и систематизировать наименования этих объектов. Так, например, в «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой (далее РСС) рельеф включает три основных составляющих:

- равнины (плато, поле, степь, низменности и т. д.);
- низины (долины, впадины, котловины, овраги, рвы и т. д.);
- возвышенности (горы, холмы, бугры, курганы, скалы и т.д.).

Согласно терминологии «Большого толкового словаря синонимов русской речи» под ред. Л.Г. Бабенко (далее БТСС), выделяются:

- возвышенности (возвышенность, бугор, возвышение, нагорье, увал, холм и др.);
- углубления (котловина, впадина, овраг, буерак, лог и др.).

И.П. Слесарева выделяет две группы лексики: возвышенности (гора, холм, взгорье и т. д.) и низменности (долина, овраг, лощина, буерак и т. д.).

1. Исследования семантического потенциала в описании лексики играют существенную роль, поскольку позволяют выявить, помимо основных значений языковых единиц, дополнительные, скрытые смыслы исследуемых феноменов.

2. Природно-географические пространственные объекты – это огромный корпус наименований, формирующих лингвистический ландшафт, в рамках которого актуализируются его языковые особенности. В структуру данного ландшафта относятся как собственно наименования объектов (рельефно-ландшафтные наименования: поля, равнины, горы, степи, реки, моря и др.), так и их названия. Всё это вместе «формирует своеобразную топонимическую картину мира, в которой запечатлены – вербально, визуально и на ментальном уровне – рельефно-ландшафтные образы».

3. Поскольку «семантика репрезентантов природно-географических реалий, к которым относятся и рельефно-ландшафтные объекты, отражает особенности восприятия категории пространства, выраженного в языковой

картине мира», рельефно-ландшафтные объекты актуализируются в качестве предмета лингвистических исследований.

4. Актуализация рельефно-ландшафтных объектов в качестве предмета лингвистических исследований небезосновательна: ввиду сложности своей структуры основой для описания семантического потенциала лексики, отражающей рельефно-ландшафтные особенности страны, являются: а) тексты различного характера; б) данные лексикографических источников, в том числе словарей, отражающих образное восприятие географического объекта (словарей эпитетов, образных сравнений, ассоциативных словарей); в) данные экспериментов; г) лингвистические методы исследования. Всё это позволяет выявить сущность рельефно-ландшафтного образа с точки зрения его психолингвистической, социолингвистической, лингвокультурологической, когнитивной составляющих.

Таким образом, лексемы поле, равнина и степь содержат общую сему большое ровное пространство. Кроме того, следует отметить, что все три лексемы называют открытое пространство. Для языка художественной литературы типично сочетание чистое поле, **которое называет именно открытое пространство. Ср.: Здесь переливаются чистые поля, и, наконец, кончается российская земля (С. Дмитриев). Долго еще бежал он без оглядки между казацким табором и потом далеко по всему чистому полю, хотя Тарас вовсе не гнался за ним (Н.В. Гоголь). Помертвело чисто поле; нет уж дней тех светлых боле... (И.А. Крылов).**

Актуализация лингвистических аспектов культурно-географического образа связана, прежде всего, со структурой данного феномена, о чём говорилось в предыдущем параграфе. Для реконструкции культурно-географического образа используются самые разные источники (словари, тексты различного характера), в связи с чем в его вербализации участвуют

различные языковые средства. Это и обуславливает интерес лингвистов к анализируемому феномену как предмету исследования.

Структура культурно-географического образа, как было отмечено ранее, многогранна: в нём сопряжены факты, транслирующие особенности культуры географического объекта (территории), и факторы географические. Язык является важным ретранслятором взаимосвязи этих составляющих. Причём в языке как в «зеркале, сокровищнице, кладовой, копилке культуры» «отражается не только реальный мир, окружающий человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение и видение мира». Лексика, грамматика, идиоматика, пословицы и поговорки, фольклор, художественная и научная литература, формы письменной и устной речи – то, в чём язык хранит культурные ценности» [25]. Неудивительно, что в аспекте гуманитарной географии есть термины, которые прямо указывают на лингвистическую составляющую культурно-географического образа территории. Так, в структуре культурно-географического образа существенное место занимают ландшафты. Существует даже термин лингволандшафтоведение, предложенный В. Н. Калуцковым в качестве одного из направлений изучения культурного ландшафта. В рамках данного направления оперирует преимущественно топонимами и микротопонимами [27]. А. А. Соколова указывает на недостатки, связанные с предметом исследования и топонимами и микротопонимами как источниковой базой лингволандшафтоведения. По её мнению, топонимы и микротопонимы «по степени информативности значительно уступают народным географическим терминам» [62]. Сама же А. А. Соколова, высказывая сомнения относительно точки зрения В. Н. Калуцкова, подчёркивает преимущества лексико-географического метода, который «был разработан специально для комплексного изучения географических объектов и их языковых образов, на региональном и

локальном уровне в рамках системы «поселение – окрестность», близкой по своей пространственной структуре к этнокультурному ландшафту». По утверждению А. А. Соколовой, «именно классификация народной географической терминологии, содержащейся в региональных и локальных диалектных системах, в сочетании с пространственным и количественным анализом» позволила выдвинуть идею «полимасштабности (переменной масштабности) образов территорий, формирующихся у носителей диалекта (местного сообщества, если использовать понятия культурного ландшафтоведения)» [60; 61; 62].

Языковые особенности во взаимосвязи с культурно-географическим компонентом территории характерны и для лингвистической географии (или лингвогеографии) – одного из разделов языкознания, задачей которого является «изучение закономерностей территориального распространения языковых явлений (фонетических, морфологических, синтаксических, лексико-семантических) или отдельных конкретных языковых фактов» [Пшеничнова, с. 5].

Развитие лингвогеографии связано с созданием лингвистических атласов, фиксации диалектно-языковых фактов [5, с. 457]. Как справедливо замечает Т. И. Вендина, создание таких атласов и оперирование их данными существенно «изменили гносеологический облик лингвистики: пространственный дискурс вместе с исследованием внутренней структуры и диахронии языковых единиц образует гносеологическое триединство лингвистики, исследующей язык в трех измерениях – структуры, пространства и времени» [5, с. 457]. Ещё в работах В. С. Жекулина подчёркивалась эффективность лингвогеографического анализа. Хотя данный анализ рассматривался в рамках историко-ландшафтных идей в исторических и географических науках, он чрезвычайно актуален для лингвистического знания, учитывая его междисциплинарный характер в настоящее время. В. С. Жекулин считал, что лингвогеографический анализ,

закрывающийся в изучении «топонимики и ландшафтной лексики», характерной для рассматриваемой территории, должен предшествовать исследованию конкретных этапов освоения ландшафтов, поскольку «географические названия, локализованные на ландшафтной основе, дают общее представление об исторических формах природопользования. В качестве источников языковой информации В. С. Жекулин предлагал использовать летописи, материалы Генерального межевания, исторические карты и другие материалы [61; 62]. Этот метод, разработанный В. С. Жекулиным, получил продолжение и развитие уже в области гуманитарной географии как «лексико-географический метод» [61; 62], о чём мы писали выше.

В аспекте лингвистических исследований культурно-географический образ актуален как предмет изучения и с позиции понятия «семантическое значение страны/региона». Данное понятие употребляется в гуманитарной географии. Специалисты данной области отмечают, что семантические значения стран и регионов «могут быть «расшифрованы» путём реконструкции контекста, в котором происходит обращение к соответствующему региону» [23].

Отдельно учёными выделяется понятие «ландшафтная лексика», которая, являясь одним из самых древних и поэтому наиболее устойчивых лексических пластов (наряду с наименованиями флоры и фауны), может свидетельствовать о генезисе самих носителей языка. Народная географическая терминология является одним из обширных и интересных пластов лексической системы языка, заключающим в себе не только информацию о географических условиях проживания отдельно взятого этнического коллектива, но и о его связях (прежде всего языковых) с другими членами социума» [13; 21; 53; 62].

Обратимся ещё к одному термину – «лингвистический ландшафт». Синонимичны данному термину встречающиеся в разных работах понятия

«языковой ландшафт», «городской текст», «лингвистическое градоведение», «лингвистический пейзаж», «лингвогеография» (о которой говорилось выше), «лингвистический ареал» и т. д. Термин «языковой ландшафт» используется в социолингвистике при описании многоязычия в разных регионах, обычно в мегаполисах.

В целом лингвистический/языковой ландшафт может рассматриваться как совокупность различных текстов и наименований, представленность языков в общественном пространстве, так и непосредственно как область изучения и исследования различных языковых единиц, выполняющих определенные функции и обладающих конкретными задачами в городской среде.

Так, например, Л. З. Подберезкина утверждает, что языковой ландшафт как объект лингвистических исследований является частью городской культуры, важнейшей из подсистем городской семиотики наряду с городской архитектурой, историей, бытом, городскими праздниками и т. д. С точки зрения автора, система городских наименований – часть эстетики города, которая отражает «языковой вкус эпохи» и социокультурное сознание жителей города [47].

Г. И. Купцова лингвистический ландшафт определяет как «один из способов описания повседневного существования языка, состоящий в исследовании письменных знаков в пространстве городской среды» [32; 33]. Лингвистическим ландшафтом считается также язык придорожных плакатов, рекламных щитов, табличек – названий улиц и площадей, вывесок на магазинах и общественных учреждениях, которые выполняют две основные функции: информативную и символическую.

Представляется, что наиболее точно отражена сущностная характеристика анализируемого понятия, с учётом научных аспектов изучения данного лингвистического явления, в определении Н. П. Пешковой.

Так, под лингвистическим ландшафтом понимаются все формы существования языка в жизненном пространстве города или региона, а также методы изучения этой жизни языка, сосуществования и соотношения нескольких языков в общественном пространстве многоязычного города или целого региона [44; 45; 46;].

Языковые и речевые особенности элементов языкового ландшафта прямым образом влияют на восприятие и понимание информации потенциальным реципиентом. Н. П. Пешкова выделяет следующие задачи текста в лингвистическом ландшафте:

- 1) привлечение и удержание внимания адресата;
- 2) формирование установки на успешное восприятие;
- 3) обеспечение ориентации адресата в ситуации поликультурной среды как внеязыковой, так и языковой [46].

От успешного выполнения данных задач зависят восприятие и оценка городского текста аудиторией, то есть резидентами города, а как следствие, и привлечение внимания и воздействие на них.

Важнейшим условием воздействия является употребление определённой лексики (слова и словосочетания, различные средства выразительности языка). В основном тексты городского лингвистического ландшафта имеют воздействующее начало для привлечения внимания реципиентов, побуждения их к определённому действию, например, использование услуг, приобретение товаров и др. В данном случае большое предпочтение отдается эмоционально окрашенным языковым единицам, экспрессивной лексике, метафорам, фразеологизмам, жаргонизмам, заимствованиям, чаще всего англицизмам. Эти языковые средства могут быть полезны, если необходимо добиться речевого воздействия. Ввиду этого, несмотря на то, что основой для описания стереотипного географического

образа страны являются тексты различного характера, в контексте лингвистических исследований важными считаются и данные лексикографических источников (словарей, отражающих образное восприятие какого-либо феномена, например, словарей эпитетов и образных сравнений, ассоциативных словарей), а также данные экспериментов, например, ассоциативных свободных и направленных, ведь «название географического объекта только тогда имеет для человека смысл, когда оно наполнено ассоциациями» [16]. Так, специалист Д. Н. Замятин приводит яркие примеры того, как названия географических объектов обретают культуроориентированные смыслы через ассоциации: «Олимп, Фудзияма, Гималаи – это не просто географические названия гор, но и бесчисленное множество распространенных среди миллионов людей культурных ассоциаций. Скромный поселок Ясная Поляна и довольно крупный по западноевропейским масштабам город Зальцбург сразу вызывают в памяти имена великих людей, жизнь которых была тесно связана с этими местами – Толстого и Моцарта. Места паломничества миллионов туристов по объективным параметрам (качества ландшафта, сохранность исторических памятников и др.) далеко не всегда самые привлекательные, но, безусловно, высоко символические. Пространство и его образы создаются культурой, которая их осознает, живет ими и в них [16]. Так и названия, например, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России – это не просто названия, а значительные фрагменты культурно-географического образа России, символы страны, которые непременно вызывают определённые культурные ассоциации, заслуживающие внимания лингвистов.

Протасова Е.Ю. исследует особенности лингвистического ландшафта, под которым она понимает надписи в окружающей среде. Вывески и объявления на улицах и дорогах, согласно выводам исследователя, показывают, в частности, какие языки типичны для данной местности, какие шрифты в моде, с какими странами есть контакты [49; 50]. В

лингвистическом ландшафте многонациональной России есть отсылки к прошлому, таблички на местных и иностранных языках. Автор делает акцент на компонентах лингвистического ландшафта, входящих в проблемное поле рекламного дискурса, в контексте которого и представлено наше описание культурно-географического образа Санкт-Петербурга.

Работы С. П. Ермакович посвящены когнитивной стороне рекламного текста. Исследователем описываются процессы переработки рекламной информации с точки зрения содержащегося в ней когнитивного компонента, и на примере конкретных рекламных обращений анализируется языковая опосредованность различных когнитивных процессов [11]. Основной акцент сделан на специфике языковых средств и их влиянии на интерпретацию рекламного сообщения. В контексте описания культурно-географических образов данный подход актуален, поскольку когнитивный аспект – существенный фактор в рекламе территорий, в рамках которой мы в последующих параграфах рассматриваем лингвистические особенности культурно-географического образа Санкт-Петербурга.

И. П. Решикова на обширном полевом материале рассматривает такой малоизученный актуальный аспект повседневности постсоветского российского города, как «наружная реклама территории» [51]. Данный термин является авторским. Поставлена проблема адекватности содержания современной наружной рекламы как инструмента конструирования связи с местом содержанию конструируемой региональной идентичности. Культурный ландшафт мыслится в современном междисциплинарном ландшафтоведении как единая повседневная среда достаточно большой группы людей, которые освоили это пространство утилитарно, семантически и символически и тем самым придали ему текстуальную связность. В поле данного культурного ландшафта автор вводит понятие наружной рекламы территории как разновидность социальной рекламы, выделяя в ней тематические блоки – «Любовь к месту», «Гуманизация» городского

пространства» и др. Данная работа входит в круг наших исследовательских интересов, поскольку прямо сопряжена с проблематикой актуализируемой темы.

Актуализируя культурно-географический образ как предмет лингвистических исследований, нельзя не обратиться к работам, в которых данный феномен рассматривается в аспекте географии, особенно учитывая тот факт, что в географических направлениях сегодня используются методы лингвистического анализа. Так, работа Д. Н. Замятина «Россия: воображение пространства / пространство воображения» посвящена аспектам географии с точки зрения образно-географического мышления – мышления, привязанного к территории. Помимо того, что это мышление отличается территориальностью, комплексностью и глобализмом, оно лежит в основе формирования географической культуры. Кроме того, глубокого понимания научной географической картины мира можно добиться именно через образное восприятие. Д. Н. Замятин акцентирует внимание на ментальной основе географии воображения – образной географии – и отмечает, что конкретное географическое пространство, со всеми его социокультурными, художественными, политико-экономическими коннотациями задаёт в основном параметры, условия репрезентации и интерпретации практически всех возможных в данном месте и в данное время дискурсов, что обуславливает позиционирование понятия «географический образ» в рамках географии воображения» [16]. Данная работа содержательна. В контексте научных рассуждений автора раскрываются важные содержательные стороны понятия географического образа, в том числе и лингвистические аспекты, что коррелирует с проблематикой настоящего исследования.

О. А. Лавренова предлагает семиотическую концепцию культурного ландшафта. Автор отмечает, что данная концепция имеет несколько теоретических оснований в разных областях науки – семиотическая концепция культуры, концепции ноосферы, семиосферы и ноосферная

концепция культурного ландшафта. Культурный ландшафт представляется автором как система матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах (запечатленных в том числе в художественных образах), непосредственно связанных с территорией и / или имеющих на территории свое материальное выражение. Согласно предложенной автором концепции, структура культурного ландшафта определяется тремя основными составляющими: 1) его физико-географическими константами, 2) аксиологической и семиотической структурой культуры – ее системой ценностей, 3) парадигматикой и неравномерностью семиотических процессов. Также отмечается, что в культурном ландшафте присутствуют универсальные для каждой культуры три языка или три формы опосредования: знаковая – метафорическая – символическая. Такой подход является ценным для исследований культурно-географических образов. На наш взгляд, предложенная автором семиотическая концепция расширяет лингвистическую основу структуры культурно-географического образа, являющегося ключевым, в частности, в нашей работе [37].

В проблемном поле лингвистических исследований феномен культурно-географического образа актуализируется в работах О.В. Ротмистровой, которая предложила включить его в область лингвокультурологии. По её мнению, «вербализация культурно-географического образа того или иного объекта представляет собой лингвистическую синергию его параметров», и «в рекламном дискурсе эта синергия очевидна» [56]. Реконструкции же культурно-географического образа России посвящено фундаментальное исследование (монография) О.В. Ротмистровой и Г.М. Васильевой «Культурно-географический образ России в лингвокультурологическом аспекте». В данной работе, включенной по своему содержанию в широкое проблемное поле «человек и пространство», на основе анализа обширного материала (текстов художественной и публицистической литературы, многочисленных лексикографических

источников и экспериментальных данных) представлены основные устойчивые мотивы, формирующие в сознании носителей русского языка культурно-географический образ России. Эти мотивы, по утверждению авторов, обусловлены основными параметрами географического пространства страны (размером территории, особенностями рельефа и ландшафта и др.) [3].

В работе указанных авторов представлен интересный языковой и культурологический материал, актуальный в рамках настоящего исследования. Данная монография является наиболее значимым источником, в котором детально показана методика лингвистического описания такого феномена, как культурно-географический образ территории. За основу реконструкции культурно-географического образа Санкт-Петербурга мы взяли именно модель реконструкции культурно-географического образа России, предложенную авторами этой монографии.

Подводя итог, отметим небезосновательность актуализации культурно-географического образа как предмета лингвистических исследований: ввиду сложности своей структуры основой для описания культурно-географического образа являются: а) тексты различного характера; б) данные лексикографических источников, в том числе словарей, отражающих образное восприятие географического объекта (словарей эпитетов, образных сравнений, ассоциативных словарей); в) данные экспериментов; г) лингвистические методы исследования. Всё это позволяет выявить сущность культурно-географического образа с точки зрения его психолингвистической, социолингвистической, лингвокультурологической, когнитивной составляющих.

Таким образом, по данным дефиниций толковых словарей, концепт природного объекта «лес» содержит прежде всего визуальные параметры:

- 1) не локализованное пространство, т.к. невозможно зрительно увидеть границы объекта;
- 2) элементы, из которых состоит объект, – деревья;
- 3) количественная характеристика элементов – большое количество, не поддающееся счету;
- 4) расстояние между элементами небольшое, близко стоящие друг к другу элементы (заросшее).

Анализ значения леммы лес помог выявить особенности концептуализации «леса» как одного из элементов пространственной категории, понять когнитивную стратегию, способ понимания данного объекта действительности лингвокультурной общностью.

Данные в качестве иллюстраций во всех анализируемых толковых словарях словосочетания *красный лес, черный лес, дремучий лес*, с одной стороны, отражают системные отношения в языке на данном этапе (репрезентуют актуальные признаки: тип леса по произрастающим в нем породам; тип леса по характеру расположения в нем деревьев). С другой стороны, они отражают исторические признаки и внутреннюю форму.

Лексема дремучий в сочетании с лексемой лес позволяет вербализовать исторический слой концепта ЛЕС, а внутренняя форма леммы дремучий дает возможность реконструировать элементы мифологического мировосприятия «леса» древними славянами. По данным этимологического словаря, лексема дремучий означает «дремлющий, спящий».

Нужно отметить, что рассмотренные словосочетания дремучий лес, черный лес, красный лес приведены в качестве иллюстрации во всех анализируемых толковых словарях. Кроме указанных словосочетаний, в словаре Ушакова даны речения мелкий лес и густой лес, которые также дают визуальную характеристику природного объекта по характеру

растительности в лесу (мелкий лес – небольшие деревья, густой лес – расположение элементов леса – деревьев – близко друг к другу).

Таким образом, по данным дефиниций лексемы лес и приведенных в качестве иллюстраций речений, ФЕ с лексемой лес, можно сделать вывод, что процесс концептуализации данного природного объекта антропоцентричен. Языковая репрезентация данного объекта отражает мифологическое представление древних славян о «лесе» как враждебном, неосвоенном, «чужом» пространстве, противопоставленном «своему», освоенному человеком. Семантическая структура лексемы лес дает визуальную характеристику с точки зрения субъекта, воспринимающего и оценивающего данный природный объект. В современном русском языке в связи со сменой культурной парадигмы стали неактуальными для носителей языка мифологизированные признаки «леса», но в сохраняющейся отрицательной коннотации ФЕ и лексем, характеризующих «лес» (дремучий, темный и т.д.), сохраняются отголоски древней славянской культуры.

Также в репрезентации семантического потенциала рельефно-ландшафтного образа страны участвует топонимы. Следует подчеркнуть, что огромные размеры России делают её топонимическую карту чрезвычайно разнообразной как в плане собственно топонимов, так и в плане их языковой объективации.

В этом отношении интересно проследить эволюцию представлений о Волге и волжском регионе, сконцентрированных в ныне кажущихся «извечными» метафорах «Волга — русская река», «Волга-матушка». Однако концепция «русскости» Волги возникает относительно недавно — только в XIX столетии. Волжский пейзаж отличался от более ранних живописных репрезентаций определенным патриотическим пафосом, метафоризацией: Волга выступает воплощением государственной и народной мощи, размаха, Руси. Ср. некоторые описания: «У Саратова, — пишет один из путешественников, — Волга широка, глубока и величественна, как мать

российских рек. Характер ее красоты совершенно особенный и весьма различный от характера рек европейских. С одной стороны в нее смотрят золотые главы и золотые колокольни саратовские... с другой расстилается необозримая степь. По влажному хребту Волги... тянутся еще бечевою огромные досчаники, летают белым парусом окрыленные суда и ходят уже дымные теплоходы. Все это вместе составляет картину разительного великолепия!». В процессе поиска типично великорусского и типично русского пейзажей волжские берега также воспринимались как вполне репрезентативные.

Эстетическая составляющая волжского образа, связанная с завершением складывания концепции «Волга – русская река», национального символа России, отражена в рассуждениях писателя В.В. Розанова: «Все на Волге мягко, широко, хорошо»; «...И все на Волге, и сама Волга точно не движется, не суетится, а только “дышит” ровным, хорошим, вековым дыханием».

Таким образом, в русской языковой картине мира рельефно-ландшафтные особенности страны репрезентируются через лексическую репрезентацию следующих наименований рельефа и ландшафта: *равнина, поле, степь, лес, лесостепь, река*.

2. Лексемы поле, равнина и степь содержат общую сему большое ровное пространство. Все три лексемы называют открытое пространство. Для языка художественной литературы типично сочетание чистое поле, которое называет именно открытое пространство. Лексемы поле, степь, равнина, имея общую сему, нередко употребляются как синонимы.

3. По данным Национального корпуса русского языка, в текстах различного характера поле, степь и равнина получают устойчивые характеристики, указывающие на их большие или чрезвычайно большие размеры, определения, образно передающие представления о размере

анализируемых лексических единиц (поле — бескрайнее; равнина — безбрежная; степь — раскинулась); характеристики, передающие чувства душевного подъема (поле — просторное; степь — привольная, раздольная).

4. Данные словаря эпитетов и «Словаря языка поэзии» Ивановой свидетельствуют об образном восприятии рельефа и ландшафта страны в русской языковой картине мира. Равнина воспринимается как безмолвная, грустная, печальная, унылая и др.; степь — безрадостная, вольная, печальная, привольная, тоскливая и др.; поле — грустное, печальное, тоскующее и др.

2.2. Особенности семантической репрезентации объектов рельефно-ландшафтного пространства Туркменистана

Природно-географические особенности Туркменистана отличаются от природно-географических особенностей России.

Проанализировав рельефно-ландшафтные объекты Туркменистана и выявили, что в туркменской языковой картине мира репрезентантами рельефно-ландшафтного образа страны являются такие объекты, как пустыня, пещеры, море, горы.

Мы проанализировали ассоциативно-вербальный образ пустыни в туркменской картине мира, сопоставив с особенностями репрезентации данного объекта в ассоциативно-вербальной сети, представленной в «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю.Н. Караулова. В туркменской языковой картине мира образ пустыни занимает существенное место. Так, песчаная пустыня Каракум расположена на юге Средней Азии и покрывает существенную часть страны.

Мы провели свободный ассоциативный эксперимент среди туркменских респондентов – студентов, которые учатся в вузах Санкт-Петербурга. Всего приняли участие в эксперименте 50 человек. В результате

полученных данных было выявлено, что пустыня в ассоциативном мышлении носителей туркменской лингвокультуры – это, прежде всего, топоним Каракум (47 реакций), Туркменистан (32 реакции), родина (39 реакций), верблюды (реакция всех респондентов), врата ада (41 реакция).

Такие реакции и их частотность неудивительны. Ведь пустыня для народа Туркмении означает многое. Считается, что Каракум – самое большое богатство туркмен, подаренное Аллахом. Эта пустыня покрывает большую часть страны. Неудивительно, что в туркменских текстах различного характера пустыня сочетается с лексемами богатая, таинственная, сказочная, огромная и др.

Используя источники энциклопедического характера, мы составили список рельефно-ландшафтных объектов, значимых для описания семантических особенностей рельефно-ландшафтного образа Туркменистана. Так, в данный список вошли следующие наименования: пустыня, плато, обрыв, пещера, море, каньон, а также соответствующие топонимы (Каракумы, Карлюкские пещеры, Каньоны Янги-Кала и др.) – данные наименования выступают репрезентантами особенностей рельефа и ландшафта Туркменистана. Обрывы: белые, желтые, пурпурные, красные, огненные.

Плато Ходжа-и-Пиль, Капланкир или Тигровое плато. Сочетания: красивое, загадочное; сказочное, мистическое. красивое место для пеших туров по Туркменистану; Каспийское море / Хазар – сочетания: солёное, большое.

Растительный мир Туркменистана включает следующие наименования: саксаул, заросли шиповника, боярышника, ежевика, барбарис, кизил, дикие виды инжира, граната, хурмы, грецкого ореха, винограда, вишни и др.

Таким образом, список объектов, русской и туркменской картин мира, показывает существенную разницу в наименованиях-репрезентантах

рельефно-ландшафтного образа России и рельефно-ландшафтного образа Туркменистана, причём различия проявляются как в собственно наименованиях, так и в средствах, раскрывающих семантический потенциал данных объектов. Семантический потенциал поля, леса, степи в русской языковой картине мира созвучен такому же потенциалу в репрезентации пустыни в туркменской картине мира.

2.3. Соотношение семантических элементов, объективирующих представления о рельефно-ландшафтном пространстве в русской и туркменской картинах мира

В туркменской языковой картине мира репрезентантами рельефно-ландшафтного образа страны являются такие объекты, как пустыня, пещеры, море, горы.

Мы проанализировали ассоциативно-вербальный образ пустыни в туркменской картине мира, сопоставив с особенностями репрезентации данного объекта в ассоциативно-вербальной сети, представленной в «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю.Н. Караулова.

В туркменской языковой картине мира образ пустыни занимает существенное место. Так, песчаная пустыня Каракум расположена на юге Средней Азии и покрывает существенную часть страны.

Мы сделали попытку выявить особенности образа пустыни в ассоциативном мышлении носителей русской и туркменской лингвокультур, проанализировав реакции на слово-стимул «пустыня», полученные в результате свободных ассоциативных экспериментов.

У носителей русской лингвокультуры, по данным «Русского ассоциативного словаря» под редакцией Караулова, подавляющее большинство реакций связано с известной пустыней Сахара (28 реакций). Другие наименования существующих на планете пустынь также встречаются, однако они немногочисленны. Чаще всего упоминается туркменская пустыня Каракумы (4 реакции) и 2 раза – пустыня Гоби.

На втором месте по частотности – реакции, указывающие на геоморфологические особенности пустыни и климат (песок, пески, с песком, песчаная, безводная, сухая, жаркая и др.).

Мы провели свободный ассоциативный эксперимент среди туркменских респондентов – студентов, которые учатся в вузах Санкт-Петербурга. Всего приняли участие в эксперименте 50 человек. В результате полученных данных было выявлено, что пустыня в ассоциативном мышлении носителей туркменской лингвокультуры – это, прежде всего, топоним Каракум (47 реакций), Туркменистан (32 реакции), родина (39 реакций), верблюды (реакция всех респондентов), врата ада (41 реакция).

Очень частотны зоонимы (наименования представителей флоры) и фитонимы (растения, особенно лекарственные).

В целом ассоциативно-вербальное поле на слово-стимул «пустыня» включает следующие реакции: Туркменистан, жажда, Каракум, родина, Красная пустыня, колодец, остаться без воды, змея, черепаха, муравей, лиса, арбуз, дыня, орёл, газ, нефть, врата ада, верблюды, пастух пёс, овец, коза, кролик, ящерица, саксаул, свобода, тишина, пространство и др.

Такие реакции и их частотность не удивительны. Ведь пустыня для народа Туркмении означает многое. Считается, что Каракум – самое большое богатство туркмен, подаренное Аллахом. Эта пустыня покрывает большую часть страны. Врата ада (реакция 41 респондента) – огнедышащий кратер невероятных размеров среди песчаных барханов, заставляющий испытывать

смешанные чувства – страха, любопытства, непонятого таинства. Эта огромная дыра, диаметр которой составляет 70 метров, на равнинном участке пустыни, находится на половине пути следования по автомобильной трассе Ашхабад-Каракумы-Дашогуз, недалеко от поселка Дервезе, что в переводе означает ворота. То ли по аналогии с названием поселка, то ли по размерам происходящего рядом аномального явления, но местные жители называют эту огнедышащую дыру «Вратами ада». Хотя никто из ныне живущих, наверное, никогда не видел вход в потусторонний мир. Кара-Кум (или другое произношение Гарагум) в переводе с тюркского – черный песок. В пустыне Кара-Кумы, несмотря на жару, более 250 видов растений, поэтому, вероятно, так много реакций связано с наименованиями растений. В начале февраля пустыня преобразуется. Буйным цветом расцветают маки, акация песчаная, тюльпаны (желтые и красные), календула дикая, осока песчаная, астрагал и другие растения, поэтому, как показали результаты анализа туркменских текстов различного характера, материалов Национального корпуса туркменского языка, данные фитонимы участвуют в семантической репрезентации образа пустыни в туркменской языковой картине мира (далее ТЯКМ).

Что касается животных, то самый яркий представитель отряда хищников — лисица корсак. В ассоциативно-вербальном поле 28 соответствующих реакций.

С пустыней в туркменской культуре связано много пословиц и поговорок. Например:

- *Собака лает, караван идёт* (упоминается в ассоциативно-вербальном поле 8 раз). Примечательно, что данная пословица характерна и для русской языковой картины мира.
- *Капля по капле – озеро, нет капель – пустыня* (упоминается 3 раза).

- Когда караван повернёт назад, хромой окажется впереди (упоминается 5 раз).

В туркменских сказках встречаются события, которые связаны с пустыней. В нашем народе пустыня всегда считалась священным местом. Есть даже сказка, в которой рассказывается о том, как один человек разбогател в пустыни. Когда он ехал на верблюде, проголодался, то взял чурек из своего мешка. Когда он съел чурек, от него падали маленькие куски. Этот человек был очень хорошим и поэтому не хотел, чтобы другие люди, не зная, топтали куски чурека. Он там сделал решётку и, когда пришел снова на то же место, чтобы найти эти куски, то на их месте нашёл золото.

Здесь можно увидеть, что *пустыня* даёт большое богатство, если человек не будет вредить ей.

Реакции с положительной окраской объяснимы добрым отношением туркмен к пустыне. А различия ассоциативного образа пустыни у русских и туркменских респондентов объясняется разными природно-географическими особенностями. Для русского человека, как было сказано выше, равнина, поле, лес, степь так же значимы, как для туркмен пустыня.

Используя источники энциклопедического характера, мы составили список рельефно-ландшафтных объектов, значимых для описания семантических особенностей рельефно-ландшафтного образа Туркменистана. Так, в данный список вошли следующие наименования: Каракумы, Карлюкские пещеры.

Каракумы – песчаная пустыня, одна из самых больших в Центральной Азии, одна из крупных на земле. Среди конкретизирующих топонимов – наименования участков пустыни: Заунгузские Каракумы (геологически самая древняя (они образовались более миллиона лет назад) и самая приподнятая часть района – на 40–50 м выше двух других его частей), Заунгузское плато, Центральные Каракумы, Юго-восточные Каракумы, Карлюкские пещеры.

хребет Кугитангтау, карстовые пещеры, пещера Ков-Ата, озеро Ков-Ата (подземное озеро в пещере горы Коу, переводится как «Отец пещеры»); предгорье Копет-Даг, Бахарденское подземное озеро; Койтендаг (Кугитанг), где самые высокие в Туркменистане горы с вершиной Айрыбаба, и одна из самых протяженных систем пещер в мире, и самые длинные в мире дорожки следов древних ящеров на знаменитом Плато динозавров.

Копетдаг – это крупная горная система, служащая границей между Туркменистаном и Ираном. В переводе с туркменского Копетдаг означает «многогорье». Горный хребет тянется с востока на запад на 650 км и при этом сильно изрезан многочисленными реками, крупнейшими из которых являются Атрек и Сумбар. На северных склонах Копетдага находится столица Туркменистана – Ашхабад.

Каньоны Янги-Кала – один из живописнейших природных объектов Туркмении. В переводе с туркменского словосочетание «янги кала» означает «огненные крепости». Действительно, отвесные обрывы белого, желтого, охряного, пурпурного и красного цветов, причудливо вырезанные ветрами и дождями, очень похожи на каменные замки из какого-нибудь фэнтези. Особенно красивы каньоны на закате, когда все вокруг окрашивается в огненно-красный цвет.

Ещё один *топоним (гидроним)* – **река Амударья**. Длина 1415 км. В пределах Туркменистана протекает на расстоянии около 1000 километров. Образуется слиянием рек Пяндж и Вахш, впадает в Аральское море, образуя дельту. В среднем течении в Амударью впадают три крупных правых притока (Кафирниган, Сурхандарья, Шерабад) и один левый приток (Кундуз). Далее до Аральского моря она не получает ни одного притока, в том числе и на территории Туркменистана.

Река Мургаб берёт свое начало на северных склонах Парапамизских гор на высоте 2600 м. Из общей длины 852 км 350 км проходит по

территории Туркменистана. Ее бассейн составляет 46880 кв. км., среднемноголетний сток реки составляет 1657 млн.куб.м.

Река Теджен. Общая длина 1124 километров, бассейн реки составляет 70260 кв. км. Свое начало берет с Паропамизских гор, а в частности окраинах горы Сефидкух – на высоте 3000 метров над уровнем моря.

Река Атрек – единственная река, которая вливает свои воды в Каспийское море. Река Атрек берет свое начало на южных склонах центральных Копетдагских гор и служит границей между Туркменистаном и Ираном. Общая длина реки 530 км, из них менее трети проходит по территории Туркменистана, где к ней добавляется основной приток река Сумбар.

Миссирианская равнина. Здесь сохранились крупные массивы древнего орошения со следами древних ирригационных сооружений.

Плато Ходжа-и-Пиль хребта Кугитангтау. Известно на весь мир своим скоплением свыше 1000 хорошо сохранившихся следов древних ящеров - динозавров юрского периода.

Капланкир, или Тигровое плато (недалеко от Ашхабада) – самое красивое место для пеших туров по Туркменистану.

Каспийское море / Хазар. Это самое большое озеро на Земле, расположенное на стыке Европы и Азии и называемое морем из-за его размеров. Каспийское море представляет собой бессточное озеро, и вода в нём солёная, от 0,05 ‰ близ устья Волги до от 11—13 ‰ на юго-востоке.

Растительный мир Туркменистана: *саксаул, заросли шиповника, боярышника, ежевика, барбарис, кизил, дикие виды инжира, граната, хурмы, грецкого ореха, винограда, вишни* и др.

В заключение отметим, что список объектов, актуальных для ТЯКМ, позволяет заметить существенную разницу в наименованиях-репрезентантах рельефно-ландшафтного образа России и рельефно-ландшафтного образа Туркменистана, причём различия проявляются как в собственно наименованиях, так и в средствах, раскрывающих семантический потенциал данных объектов.

В туркменской языковой картине мира репрезентантами рельефно-ландшафтного образа страны являются такие объекты, как *пустыня, пещеры, море, горы*. В русской языковой картине мира – *равнины* (и их разновидности), *поля, степи, лесостепь, леса, реки*.

Мы проанализировали ассоциативно-вербальный образ пустыни в туркменской картине мира, сопоставив с особенностями репрезентации данного объекта в ассоциативно-вербальной сети, представленной в «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю.Н. Караулова. В туркменской языковой картине мира образ пустыни занимает существенное место. Так, песчаная пустыня Каракум расположена на юге Средней Азии и покрывает существенную часть страны.

Мы провели свободный ассоциативный эксперимент среди туркменских респондентов – студентов, которые учатся в вузах Санкт-Петербурга. Всего приняли участие в эксперименте 50 человек. В результате полученных данных было выявлено, что пустыня в ассоциативном мышлении носителей туркменской лингвокультуры – это, прежде всего, топоним Каракум (47 реакций), Туркменистан (32 реакции), родина (39 реакций), верблюды (реакция всех респондентов), врата ада (41 реакция).

Такие реакции и их частотность неудивительны. Ведь пустыня для народа Туркмении означает многое. Считается, что Каракум – самое большое богатство туркмен, подаренное Аллахом. Эта пустыня покрывает большую

часть страны. Неудивительно, что в туркменских текстах различного характера пустыня сочетается с лексемами богатая, таинственная, сказочная, огромная и др.

Используя источники энциклопедического характера, мы составили список рельефно-ландшафтных объектов, значимых для описания семантических особенностей рельефно-ландшафтного образа Туркменистана. Так, в данный список вошли следующие наименования: пустыня, плато, обрыв, пещера, море, каньон, а также соответствующие топонимы (Каракумы, Карлюкские пещеры, Каньоны Янги-Кала и др.) – данные наименования выступают репрезентантами особенностей рельефа и ландшафта Туркменистана. Обрывы: белые, желтые, пурпурные, красные, огненные.

Плато Ходжа-и-Пиль, Капланкир или Тигровое плато. Сочетания: красивое, загадочное; сказочное, мистическое. красивое место для пеших туров по Туркменистану; Каспийское море / Хазар – сочетания: солёное, большое.

Растительный мир Туркменистана включает следующие наименования: саксаул, заросли шиповника, боярышника, ежевика, барбарис, кизил, дикие виды инжира, граната, хурмы, грецкого ореха, винограда, вишни и др.

Таким образом, список объектов, русской и туркменской картин мира, показывает существенную разницу в наименованиях-репрезентантах рельефно-ландшафтного образа России и рельефно-ландшафтного образа Туркменистана, причём различия проявляются как в собственно наименованиях, так и в средствах, раскрывающих семантический потенциал данных объектов. Семантический потенциал поля, леса, степи в русской языковой картине мира созвучен такому же потенциалу в репрезентации пустыни в туркменской картине мира.

Выводы по главе II

Во второй главе мы проанализировали рельефно-ландшафтные особенности России и Туркменистана с точки зрения их лексической репрезентации. В результате исследования были сделаны следующие выводы:

1. В туркменской языковой картине мира репрезентантами рельефно-ландшафтного образа страны являются такие объекты, как пустыня, пещеры, море, горы.

2. Мы проанализировали ассоциативно-вербальный образ пустыни в туркменской картине мира, сопоставив с особенностями репрезентации данного объекта в ассоциативно-вербальной сети, представленной в «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю.Н. Караулова. В туркменской языковой картине мира образ пустыни занимает существенное место. Так, песчаная пустыня Каракум расположена на юге Средней Азии и покрывает существенную часть страны.

3. Мы провели свободный ассоциативный эксперимент среди туркменских респондентов – студентов, которые учатся в вузах Санкт-Петербурга. Всего приняли участие в эксперименте 50 человек. В результате полученных данных было выявлено, что пустыня в ассоциативном мышлении носителей туркменской лингвокультуры – это, прежде всего, топоним Каракум (47 реакций), Туркменистан (32 реакции), родина (39 реакций), верблюды (реакция всех респондентов), врата ада (41 реакция).

4. Такие реакции и их частотность не удивительны. Ведь пустыня для народа Туркмении означает многое. Считается, что Каракум – самое большое богатство туркмен, подаренное Аллахом. Эта пустыня покрывает большую часть страны. Неудивительно, что в туркменских текстах различного характера пустыня сочетается с лексемами богатая, таинственная, сказочная, огромная и др.

5. Используя источники энциклопедического характера, мы составили список рельефно-ландшафтных объектов, значимых для описания семантических особенностей рельефно-ландшафтного образа Туркменистана. Так, в данный список вошли следующие наименования: пустыня, плато, обрыв, пещера, море, каньон, а также соответствующие топонимы (Каракумы, Карлюкские пещеры, Каньоны Янги-Кала и др.) – данные наименования выступают репрезентантами особенностей рельефа и ландшафта Туркменистана. Обрывы: белые, желтые, пурпурные, красные, огненные.

6. Плато Ходжа-и-Пиль, Капланкир или Тигровое плато. Сочетания: красивое, загадочное; сказочное, мистическое. красивое место для пеших туров по Туркменистану; Каспийское море / Хазар – сочетания: солёное, большое.

7. Растительный мир Туркменистана включает следующие наименования: саксаул, заросли шиповника, боярышника, ежевика, барбарис, кизил, дикие виды инжира, граната, хурмы, грецкого ореха, винограда, вишни и др.

Таким образом, список объектов, русской и туркменской картин мира, показывает существенную разницу в наименованиях-репрезентантах рельефно-ландшафтного образа России и рельефно-ландшафтного образа Туркменистана, причём различия проявляются как в собственно наименованиях, так и в средствах, раскрывающих семантический потенциал данных объектов. Семантический потенциал поля, леса, степи в русской языковой картине мира созвучен такому же потенциалу в репрезентации пустыни в туркменской картине мира.

Заключение

Целью данной работы было исследование семантического потенциала лексики, отражающей рельефно-ландшафтные особенности России и Туркменистана.

Результаты исследования отражены в следующих **выводах**:

1. Исследования семантического потенциала в описании лексики играют существенную роль, поскольку позволяют выявить, помимо основных значений языковых единиц, дополнительные, скрытые смыслы исследуемых феноменов.

2. Природно-географические пространственные объекты – это огромный корпус наименований, формирующих лингвистический ландшафт, в рамках которого актуализируются его языковые особенности. В структуру данного ландшафта относятся как собственно наименования объектов (рельефно-ландшафтные наименования: поля, равнины, горы, степи, реки, моря и др.), так и их названия. Всё это вместе «формирует своеобразную топонимическую картину мира, в которой запечатлены – вербально, визуально и на ментальном уровне – рельефно-ландшафтные образы».

3. Поскольку «семантика репрезентантов природно-географических реалий, к которым относятся и рельефно-ландшафтные объекты, отражает особенности восприятия категории пространства, выраженного в языковой картине мира», рельефно-ландшафтные объекты актуализируются в качестве предмета лингвистических исследований.

4. Актуализация рельефно-ландшафтных объектов в качестве предмета лингвистических исследований небезосновательна: ввиду сложности своей структуры основой для описания семантического потенциала лексики, отражающей рельефно-ландшафтные особенности страны, являются: а) тексты различного характера; б) данные

лексикографических источников, в том числе словарей, отражающих образное восприятие географического объекта (словарей эпитетов, образных сравнений, ассоциативных словарей); в) данные экспериментов; г) лингвистические методы исследования. Всё это позволяет выявить сущность рельефно-ландшафтного образа с точки зрения его психолингвистической, социолингвистической, лингвокультурологической, когнитивной составляющих.

Таким образом, список объектов, русской и туркменской картин мира, показывает существенную разницу в наименованиях-репрезентантах рельефно-ландшафтного образа России и рельефно-ландшафтного образа Туркменистана, причём различия проявляются как в собственно наименованиях, так и в средствах, раскрывающих семантический потенциал данных объектов. Семантический потенциал поля, леса, степи в русской языковой картине мира созвучен такому же потенциалу в репрезентации пустыни в туркменской картине мира.